

НИНА
ПУШКОВА

Богиня победы

Эликсир
бессмертия

Москва

НИНА
ПУШКОВА

Богиня победы

Эликсир
бессмертия

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П91

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *Н. Каптыкина*

Пушкова, Нина Васильевна.

П91 Дочь спецарента : романы / Нина Пушкова. —
Москва : Эксмо, 2025. — 448 с.

ISBN 978-5-04-220070-0

«Богиня победы»

Юная Ника росла в приемной семье и после смерти матери оказалась на улице: те, кого она считала своими родными людьми, выставили ее из дома и заставили подписать отказ от прав на имущество. На дворе «лихие 90-е», трудоустроиться не получается, денег нет, крыши над головой — тоже. В полном отчаянии голодная бездомная Ника соглашается поужинать с веселым пьяным незнакомцем и, оказавшись в его квартире, случайно находит тайник, а в нем — мешочек с бриллиантами. Они явно криминального происхождения, и Ника не чувствует за собой вины, сбегая от нового знакомого с драгоценными камнями в кармане. Она еще не знает, что бриллианты никогда не теряются бесследно, за ними всегда приходят, и тогда проливается кровь...

«Эликсир бессмертия»

Спецарент разведки Сергей Францев вместе с дочерью Никой спешно покидают Лондон, оставляя за собой два трупа и идущий по следам Скотленд-Ярд. В России начала 90-х, где царят большие деньги и кровавый хаос, кажется, легко затеряться. Но это иллюзия. От Лондона до Москвы, от Давоса до Токио, от Киева до Женевы идет жестокая схватка за бесценные якутские алмазы и гонка за тайными архивами личного врача Сталина. На кону не только победа, на кону сама жизнь. Об этом — в новом захватывающем романе Нины Пушковой, автора «Романа с Постскриптумом» и «Богини победы», переведенных в нескольких странах Европы.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-220070-0 © Пушкова Н.В., 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Богиня победы

*Посвящается моему отцу,
которого я почти не знала.*

Пролог

Гул нарастал с каждой секундой, и вот он уже сменился свистом и воем такой силы, что казалось, барабанные перепонки не выдержат, лопнут. Мир перестал быть цветным, смешавшись в бурое месиво.

По вздыбившейся земле бежал человек. Кровь стучала в висках, сердце проваливалось в пропасть с каждым разрывом бомбы. «Господи Иисусе, Иже еси на небеси... Да святится имя Твое, да будет воля Твоя... Спаси их, спаси и сохрани!.. Да придет царствие Твое, да будет воля Твоя... Спаси их, сохрани их!.. Иже еси на небеси...» Он не понимал, откуда рождаются эти слова, которым его никто никогда не учил, они сами вырывались наружу. Он бежал и осипшим голосом отчаянно пытался докричаться до Бога: «Спаси их!..»

На секунду все стихло, как будто Бог остановил ад на Земле. Человек замер, прикидывая подлеты. Он знал, что эта передышка ненадолго: американцы любят заходить звеньями — по четыре бомбардировщика в каждом. Значит, как минимум у него есть пять-семь минут, прежде чем они развернутся и зайдут на очередной круг.

Свою машину он увидел, когда выскочил на небольшую площадь. Догорающая, она стояла прямо перед ним, но внутри никого не было. Черный дым клубами уходил вверх, как указующий перст Бога: «Ищи здесь». Преодолев груды вывороченных досок, кирпичей, искореженного металла, пробравшись сквозь завесу пыли и сажки, он замер. Неужели...

Он узнал бы ее, даже если бы улицы не освещались всполохами пожарниц. Она лежала неподвижно. Ее белая блуза и широкие шаровары потемнели от запекшейся крови. Еще не веря в то, что ее нет, но уже зная и страшась того, что увидит в следующее мгновение, он дрожащими руками приподнял непривычно отяжелевшее, безвольное тело жены. Под ним, скорчившись, лежало маленькое тельце дочери. Она еще дышала, но едва-едва. Он неловко сгреб в беспомощные объятия то, что совсем недавно было его семьей. Уткнулся лицом в спутанные, пропахшие гарью волосы жены. На стиснутых зубах закрипел песок. Он не плакал, он выл — протяжно, по-волчьи.

Глава 1

Ника устало бродила по кладбищу в поисках нужной могилы, останавливаясь у каждого надгробия. С эмалевых овалов на нее взирали незнакомые люди, в глазах рябило от цифр с прочерком между датами: рождение, смерть, посерединке — жизнь, уместившаяся в коротком тире... Когда стало трудно различать полустертые буквы, Ника с удивлением заметила, что уже наступили сумерки.

Кладбище опустело. Людей, скорбно стоявших у могил, прогнал зарядивший дождь. Поднимался ветер.

За спиной что-то зашуршало. Вздвогнув, Ника обернулась и увидела, как от соседней могилы отделилась невысокая фигура, завернутая в черный целлофан. Из-под острого капюшона красными слезящимися глазками на нее щурилось кладбищенское существо — из тех, что живут рядом с миром мертвых. Какое-то время оно не двигалось, словно оценивая хрупкую фигурку, стоящую перед ним.

— А у нас гости, — хихикнул бомж, обнажив темные пеньки зубов.

Ладони в карманах толстовки моментально вспотели от страха. Страх надо было преодолеть. Ника судорожно сжала нагретую рукоятку ножа. Нашупала кнопку и резко вынула руку. Острое лезвие, громко шелкнув, послушно выскочило наружу. Держа нож перед собой, Ника шагнула к мужчине.

— Смерти ищешь? Она рядом! — произнесла глухо.

— Сумасшедшая! — истошно завопил бомж, отшатнувшись и, споткнувшись о край могильной ограды, наступил на подол своего импровизированного плаща. Выскользнув из него, он мгновенно растворился в темноте.

Целлофан, подхваченный порывом ветра, черной птицей пролетел вдоль надгробий и шумно прибил к гранитной стеле.

Когда шаги стихли, Ника осела, прислонившись к холодному камню. Сердце стучало гулко, готовое вырваться из груди. Она была жутко напугана! Ей хотелось кричать, плакать, звать на помощь — все что угодно, но только не искать нужную могилу. Зачем она пришла на это страшное кладбище?! Здесь бродят живые мертвецы, и самое лучшее, что можно сделать, — поскорее бежать отсюда!

Дождь продолжал накрапывать. Девушка встала, на негнущихся ногах приблизилась к надгробию и сняла с него целлофан. Укрыться? А то можно совсем промокнуть... Пытаясь справиться с непослушным трофеем, Ника мельком взглянула на соседнюю плиту. «Спиридонова Марианна Борисовна (1934–1990)», — прочла она стертые буквы с облупленной позолотой. Отшвырнув целлофан, Ника опустила на колени, перечитывая надпись снова и снова.

— Вот она, Марианна, вот она, наконец-то! — пробормотала девушка, боясь поверить в свою удачу.

Едва справляясь с нетерпением, она начала лихорадочно ковырять ножом слежавшуюся могильную землю. В свежее углубление положила полотняный мешочек, ощетинившийся иголками. Взяла горсть земли, ссыпала в пакет и спрятала в карман. Затем тщательно закопала ямку и для верности утрамбовала кроссовками взрыхленный дерн.

Переведя дух, посмотрела в небо. Дождь усиливался. Где-то там, за тучами, плавала полная луна.

Ника сняла со стелы целлофан, отряхнула, проделав ножом дырку в середине черного полотна, надела его через голову и, став почти невидимой в сгустившейся темноте, заторопилась к выходу.

Она двигалась, ориентируясь на редкую цепочку фонарей, тускло освещавших трассу. Когда до шоссе оставалось метров триста, Ника остановилась, прошептала: «Живая земля — живым, а мертвая — мертвым», отряхнула кроссовки, перелезла через невысокий забор и припустила к тускло блестящей впереди дороге. Поднявшись по откосу, энергично замахала рукой проезжающим машинам.

Дождь разошелся не на шутку. Машины мчались мимо, окатывая Нику веером брызг. Никто и не думал останавливаться, но из-за ливня водители все-таки сбрасывали скорость. Ей наконец повезло: белый «жигуль», замигав поворотником, притормозил у обочины. Подбежав к машине, девушка крикнула:

— Пожалуйста, довезите до города!

В салоне она разглядела троих: пожилую пару и мальчика лет двенадцати. «Внук, наверное», — подумал Ника.

— Вы одна? — опустив стекло, спросила с переднего сиденья седая женщина.

— Да! Да, я одна! — торопливо закивала Ника. — Я на кладбище заблудилась, а тут дождь, и стемнело быстро. Еле нашла калитку! Не оставляйте меня здесь, пожалуйста! Если вам некогда, то хотя бы до главного входа подбросьте! Может, автобус подъедет... Я к бабушке на могилу ездила, — добавила она жалостливо.

— Да какой сейчас автобус? Вон, десять часов уже. Дима, открой дверь, — повернувшись назад, сказала женщина мальчику.

Ника сорвала с себя целлофановый балахон и юркнула в теплую, сухую утробу автомобиля.

Мальчик подвинулся, давая ей место. Ника заметила, что у него нет руки до локтя. Стесняясь красивой случайной спутницы, он всячески пытался скрыть свое увечье. От неловкости Ника понесла что-то преувеличенно бодрое, стараясь не смотреть на пустую складку его рукава.

Ее о чем-то расспрашивали, она что-то говорила в ответ, а внутри все ликовало: «Получилось, получилось! Я все сделала, все! Теперь все будет так, как я задумала...»

Мимо мелькали фонари, сливаясь с огнями встречных машин. Разомлев в тепле, Ника начала клевать носом. Из блаженный дремы ее вывел голос седой спасительницы:

— Так куда тебе? Дом твой где? Заснула, что ль?

Ника сразу даже не сообразила, что обращаются к ней.

— Улица Обручева, 84, — быстро произнесла она, как будто это и впрямь был ее домашний адрес.

— Ну, это рядом. Это мы сейчас сделаем, — с облегчением ответил мужчина с водительского сиденья.

Через три минуты «жигуленок» остановился у красно-белой девятиэтажки.

— Спасибо вам огромное! Вы меня здорово выручили. Бог вам поможет за вашу доброту, — сказала она. И, взглянув на мальчика, с которым целый час ехала в машине, неожиданно для себя добавила: — И Диме тоже! — Она произнесла это так уверенно, словно что-то знала наперед.

Машина, мигнув красными огоньками, уехала. А Ника осталась стоять перед домом, который разыскивала эти долгие две недели. Дождь прекратился. Девушка шла по мокрому асфальту и, не замечая луж, вглядывалась в таблички с номерами квартир у подъездов. Вот она, нужная дверь.

Кодовый замок в подъезде был сломан. Лифт доставил ее на седьмой этаж.

Вот она, та квартира, где живет несчастье их семьи. «Теперь можно сказать — *жило*», — мелькнула мысль.

Вытащив из сумки пакетик, Ника насыпала землю длинной дорожкой на темно-коричневый половичок перед входной дверью и, едва шевеля губами, тихо зашептала:

Как вода и огонь ненавидят друг друга,
 Так и вас разлучит оголтелая вьюга,
 Посылаю заклятье и демона шлю.
 Вы друг другу не скажете слово «люблю».
 Я открою свечам ваше имя в ночи,
 Пусть слепая любовь угорит от свечи.
 Схороню все остатки в могиле сырой,
 И тогда ваша страсть обретет упокой.
 Аминь! Аминь! Аминь!

Для того чтобы заклятие на кладбищенской земле подействовало наверняка, надо было, чтобы входящие или выходящие из квартиры обязательно на нее наступили, — Ника хорошо это помнила. Поэтому для верности она решила не ограничиваться одной полоской и разметала землю по всему коврику.

Ну вот, теперь точно наступят...

В темных ворсинках циновки земля была почти не заметна.

— Получи то, чем сама занималась. Умри, сука! — яростно прошептала Ника в закрытую дверь.

Через секунду она уже спускалась по лестнице.

Прошедший дождь буквально залил город. В черных озерах луж плавали огни рекламы, вода гулко шумела в водостоках. Промокшие кроссовки чавкали и хлюпали на каждом шагу.

До закрытия метро оставалось несколько минут. Но Нике и тут повезло: рассыпая на ходу искры, внезапно появился троллейбус. Девушка что было сил припустила к остановке и успела вскочить на подножку.

Улица была пустой, и троллейбус домчал ее до метро, не останавливаясь.

В вагоне Ника оказалась единственной пассажиркой. И тут ее накрыло: в горле что-то сжалось, задержалось, и внезапно рекой хлынули слезы. Она глотала их, руками зажимала рот, пытаясь подавить судорожные всхлипы. «Успокойся, — говорила она себе, — успокойся. Все позади, все будет просто супер!»

Но самовнушение не помогало.

Она выскочила из поезда, рыдая уже в голос, и плач ее гулким эхом разносился под высокими сводами пустынной станции.

Прыгая через ступеньки уже остановленного эскалатора, Ника понеслась вверх. Еще немного по проспекту — и она дома. Все слезы вылились, глаза высохли, вот только дыхание никак не выравнилось — как в детстве после долгого плача.

Войдя в лифт, она сделала последнюю попытку успокоиться — нельзя же так входить в квартиру.

Открыла дверь и, стараясь не шуметь, наклонилась, чтобы снять отяжелевшие от влаги кроссовки, и в то же мгновение ее ступни оказались на мокром полу. Не успев ничего осознать, Ника решила, что кто-то пролил воду в коридоре. В темноте она двинулась туда, где, тускло отражаясь в воде на полу, блестела узкая полоска света. Он шел из приоткрытой двери ванной комнаты: горел светильник на зеркале. Шторка была задернута наполовину. За ней виднелась переполненная ванна.

Как сомнамбула, Ника приблизилась и медленно-медленно стала отодвигать ткань в синенький цветочек. Над черной водой белело лицо. Глаза были закрыты. Лицо было настолько неестественно, таким мраморно-белым, что почти сливалось с бортиком ванны и кафелем. В первое мгновение Ника не узнала собственную мать.